

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕР

**ПОД СЕНЬЮ
ОЛИВЫ**

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕР

ПОД СЕНЬЮ ОЛИВЫ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВ

Памяти отца

1

Разве я хотела?
Разве я могла? —
Молния слетела,
Молния сожгла!

Вот он облик строгий
Гневного чела.
Горькие ожоги,
Нет вам. нет числа!

На святом пороге
Ледяная мгла!

Я посажу отчаянье на цепь,
Как пса строптивного сажают,
Я дверь замкну в ту выжженную степь,
Что каждого подстерегает.

Глухой броней опять одену грудь,
Чтоб подступившее вплотную
Из сил последних оттолкнуть,
Не побеждая, лишь минуя.

И прозвучит решающее : Нет!
И враг мой спустится с порога, —
Но на руке навеки след
Незаживающий ожога.

О нет, не Муза я! Питать мечты поэта
 И праздный их порыв не смею, не хочу!
 Той гибельной игры все тяжбы, все обеты
 Давно знакомы мне. Как жалкую свечу,
 Задует ветр ночной твой пламень бесполез-
 ный,
 Опустошением слепой восторг сменя.
 Без жертвы счастья нет. Скользить с тобой
 над бездной,
 Безумный мой двойник? — Для лучшего
 огня
 Мы оба рождены... Бессильно вдохновенье
 И страсти краткий жар возвысить и спасти
 От безнадежного, гнетущего сомненья
 И боли злой в груди.

Пусть пальцы вновь нетерпеливо
 По старым клавишам бегут
 И ветер бьет в окно ревниво,
 И губы вдохновенно лгут.

Из скуки мертвенной и плена
 Всему и всем наперекор
 Не ты-ль рождаешься, измена,
 И прячешь изумленный взор?

Не весна-ль спешит строптивая
В этот воздух грозовой,
Встретить молнии ревнивые
С непокрытой головой.

За кирпичными заводами,
За обрывом, за крутым,
Повстречаться с непогодами,
Силам ввериться слепым.

Как работница фабричная,
В пьяно-праздничный угар
Бросить сердце непривычное,
Нерастраченный свой жар.

Зеленеющими долами
Душным вихрем пролететь,
С озорными и веселыми
Песнями до тла сгореть.

Твой дальний дом опять пустынен...
 Вернусь-ли я когда-нибудь
 Под веерами сонных пиний
 В садах вечерних отдохнуть?

И снова слушая свирели,
 (Не в Соловьином-ли раю?)
 Под славным именем Рюделя
 Твое я имя утаю.

7

Куст одичалый и тощий
 Треплется там, на ветру.
 Месяц ущербный за рощей
 Тайно вступает в игру.

Неутолимых томлений
 Снова вползается дрожь
 В мертвую зыбь сновидений,
 В скомканный жизни чертеж.

Но неизбежно стгорая
 В черном и диком огне, —
 Знаю, мучительно знаю
 О наступающем дне.

Он помнил : в гранитном колодце
Покой и безмолвие ждут,
Сияет холодное солнце,
Альпийские розы цветут,

И, словно крутые пороги
Небесного храма, вдали
Вершины, суровы и строгы,
Уводят навек от земли.

Ни страха головокруженья,
Ни слабости не было. Нет,
Казалось, что это паденье —
Полет и прозренья, и свет;

Что смерть в распростертое тело
Вступила в мгновенье одно,
Как воздух морозный и белый,
В разбитое кем-то окно.

Ты знаешь все, чего не знает разум,
Что где-то спит, до времени, на дне.
Смущенная, внимаю я рассказу
Правдивому в вечерней тишине.

Скажи, к чему напутствовать слепую,
Непомнящую предостерегать, —
Не завтра-ль, как безумная, взликую,
Где-б стала ты смертельно тосковать?

Не завтра-ли? Лишь в этот миг суровый,
Таинственным покорная словам,
Я вижу свет, свет нестерпимо-новый,
Являющийся на мгновенье нам.

Скупой судьбой оставшиеся дни
Сосчитаны. Готовься к новоселью.
На пепелище горестно всплакни,
Как пьяница, растроганный с похмелья.

Еще один последний поворот
И спуск начнется медленный, но верный.
Молчи, молчи! И не с таких высот
Сходили в мрак крошечный и подземный.

Безумная, чем лучше ты других?
Особенной зачем кичилась долей?
От малых дум и малых дел твоих
Останется лишь легкий ветер в поле.

Останется... Но право все равно
Исчезнувшим что б там не оставалось.
Испито жизни темное вино,
Осадок мутный — горькая усталость

Вечный мир склонившейся оливы,
Каменная, низкая стена.
За стеной — блаженной смерти нивы.
Разреженный воздух. Тишина.

За стеной... Нет, не входи! Не надо, —
Лишь тому, кто ничего не ждет,
Кто последний оттолкнул оплот,
Эти камни будут рады.

ЖНИЦА

Тот тонкий серп ей дан рукою
Благословенною отца.
Не полноводною-ль рекою
Уходит нива без конца.

Еще неопытная жница,
Она, потупившись, стоит.
Весна недавняя ей снится,
Златая зыбь не веселит.

Но вот идет... И за рядами
Колосьев стелятся ряды,
И благовонными дарами
Ея отмечены следы.

А он твердит ей с новой силой,
Чтоб путь прошла она строга,
Чтоб на змею не наступила
Неосторожная нога.

Наш маленький домик, под сенью шумящего
 Сквозь сумрак и бурю блаженным сияет ^{дуба}
 Там странницу встретят всегда беспокойные ^{окном.}
 Там тени родные склоняются над очагом. ^{губы,}

И кот круглолапый, потягиваясь и мурлыча,
 У печки гудящей мохнатым свернется клуб-
 ком. ^{ком.}
 Скрипящие рамы, бездомного ветра добыча,
 Под резким порывом заходят опять ходуном.

И вечером долгим, склоняясь над стаканом
 О странствиях дальних полется неспешный ^{глинтвейна,}
 У рамы оконной, за легкой гардиной кисейной ^{рассказ,}
 От бурь неизбывных еще охраняющей нас.

ПОРТРЕТ

Твое счастье так прочно, так право,
Мир же крепок, прекрасен, широк
Как старинной иконы оправа,
Как прабабушкой данный зарок.

Строго-радостный чин литургии.
За поклоном кладимый поклон.
Так молились в далекой России
Толпы странниц святых и княжен.

Безошибочность. Мир и прохлада.
Непостыдная смерть впереди,
Среди правнучек нежного сада,
За которым и с неба блюда.

Там была одна тропинка
В самой гуще леса,
Подорожники, осинка,
Русских чаш завеса.

Детство там мое осталось
Возле дома деда.
В час, когда томит усталость,
По былому следу

Как туда вернуться, память,
Внучкой большеротой,
С бантом ярким, словно пламя,
В юбочке короткой?

Пред стеклянным тонким шаром
Над сквозной беседкой
Час стоять, иль с шавкой старой
Загонять наседку.

А когда приходит нищий
Седенький с иконкой, —
Из буфета в кухне пищу
Вытащить тихонько

И смотреть, как по дороге
Тихой и зеленой,
Он уйдет, шепча о Боге,
Сгорбленный, склоненный.

Какой-то день, давно минувший,
Затерянный среди ряда дней,
В снегах глубоких затонувший
И дальний город все ясней.

Глухая белая дорога
Вдоль рельс, присыпанных снежком,
Собака чья-то у порога,
Вороны мерзлой черный ком

И колокольный звон печальный
Над церковкою за рекой,
И воздух той провинциальной
Неторопливости родной.

В платке, слегка заиндевавшем,
С ребенком баба у ворот.
Во взгляде горьком, потемневшем
Года нужды, года забот...

Но улыбается ребенок,
Рукою ловит мелкий снег,
Что падает, блаженно-легок,
На мир, исчезнувший навек.

Мечтать о жизни... и не жить.
Все только «около» и «мимо».
В семье ребенком нелюбимым
По странам мира проходить.

Ребенком... Сердце не стареет,
Ему все те же двадцать лет. —
В неживших кто-то тайный свет
И сохраняет, и лелеет

В награду, или, может-быть,
За беззащитность, уязвимость,
За жажду и ненасытимость,
Которых здесь не утолить.

Дом смотрит в лес, упрямо и угрюмо,
Седой оливой от дороги скрыт.
Он, как старик, в свои ушедший думы,
Что правнуком скучающим забыт.

Безумные, растрепанные ели
Вокруг него ведут свой хоровод.
Пути к нему цветами запестрели
И лишь мистраль вздыхает у ворот.

Нетерпеливым, бурным воздыханьям
Никто в ответ окна не распахнет, —
Многовековым трудным созерцаньем
Здесь каждый камень дышет и живет.

Прованса солнце тускло-золотое
Замшелый свод лениво серебрит
И на крыльцо просторное, пустое
Поблекший лист медлительно летит.

Елене Голенщевой - Кутузовой.

Весна неяркая, больная,
Блуждают тучи по горам.
Олива дремлет, вспоминая
О днях иных, далеких нам.

О, этот сон воспоминанья
На перекрестке двух дорог!
О, это жадное касанье
Всего, что в жизни не сберег!

Проходят тени чередою.
Им больше руку не пожать :
Смерть разделила нас чертою,
Вражда взвела искусно гать.

А вот и ты, совсем другая,
Забывших полная надежд,
Стихи печальные слагая,
С доверчивостию невежд

Ты счастья ждешь нетерпеливо...
Плывут виденья и года,
Под сенью призрачной оливы,
В сон погруженной навсегда.

Сквозная южная сосна
Над полем вянущей лаванды.
А рядом — низкая стена,
Времен Приама и Кассандры.
С нее сползает купина
И горько зноен ветер жадный.

Не видно моря. Облака
На небе выцветшем застыли.
Кустарник пощипать слегка
Пришла коза из древней были,
Шерсть цвета темного песка,
Библейской драгоценной пыли.

Здесь остаюсь на целый день,
Пьяна сладчайшим тонким хмелем.
О эта глушь и эта лень,
Июля белые недели,
Скуднейшая оливка^М тень
И золотой загар на теле.

В том садике, под пышною оливой,
 С причудливою ямочкой в стволе
 Расплывшимся, в полудня час ленивый,
 На самодельном, крашеном столе

Дымился суп. Вокруг бродили куры,
 Привязанная плакала коза.
 Весенний день, то солнечный, то хмурый,
 Прищуривал неяркие глаза.

И старичек, с небритыми щеками,
 С разорванным коленом и локтем,
 Чей нос российский проплывал пред нами
 Мясистой сливой, топотал кругом.

И было столько доброты и мира
 В его мужицких северных чертах,
 В гостеприимстве нищего и в сиром
 Обеде, что готовил впопыхах.

Он говорил о скучном и обычном :
 О пасеке, о курах, о скоте.
 Он сам не знал, душою непривычной
 К высокому, об этой доброте

Наследственной и все ж необычайной.
 Он хлопотал, вино в стаканы лил.
 И мнилось мне : за трапезой случайной
 Нас Виноградарь добрый посетил.

К. С.

Как часто, крутою дорогой
Проселочной, вечно пустой
Мы ехали, нашей свободой
Довольные и нищетой.

Столетние велосипеды
Поскрипывали на ходу, —
Но веселы были беседы
В заброшенном кем-то саду.

Евангельский и провансальский
Повсюду пейзаж обступал
И вольно дышалось, и майский
Мистраль моим платьем играл.

Казалось, что отдых воскресный
Наградой небесною был
За трудности жизни безвестной,
Где голода призраки царил.

Мхом поросшие ступени,
Старый, старый дом.
Легкой яблони весенней
Розовый излом.

Крест над домом потемневший,
Наклоненный крест, —
Страж старинный, жизнь согревший
Этих тихих мест.

Люди бедные, простые
Годы жили тут,
Пели песни в дни святые,
Знали только труд.

Смуглый мальчик босоногий,
Чахлый огород
И коза, — вот круг убогий,
Женский круг забот.

У мужчин иная доля :
Сети и баркас.
Волн морских простор и воля,
Ветров чудный глас.

И над всеми в дни глухие
Горестей и бед
Синий твой покров, Мария,
Незакатный свет.

Этой жизни милой и жестокой
Тленная еще прекрасна ткань.
Кротко смотрит вол широкоокий,
Козочка подпрыгнула, как лань.

На ступеньках загорелись маки,
На ступеньках в одичавший дом.
Пестрые пузырятся рубахи
Под моим игрушечным окном.

Спит гнездо осиное Мужена
В нежной дымке, бледно-голубой.
Тайных уз полуденного плена
Не порвать... Не шевельнуть рукой.

БЕЛГРАД

Сергею Т.

Ты возникаешь с крепостью старинной,
В кольце двух рек спокойных и больших,
Чуть озарен закатом апельсинным,
Меж улочек восточных и кривых.

Ухабами ныряет мостовая,
В кофейнях песни горькие поют,
Едва ползут ленивые трамваи,
Газельи тени девушек снуют.

Гостеприимства город и обилья,
Вдаль уходящих черепичных крыш,
Ты дорог мне, как молодости крылья,
В час гибели ты в сердце постучишь.

Нежданных, смутных прорицаний
Мне страшен сумеречный глас.
О той же доле, той же дани
Кассандры сбивчивый рассказ.

Сестра, сестра, над старым миром
Не изменяется ничто,
Тебе, прославленной Омиром,
И нынче мне — одно, одно!

Уже, до облака вскипая,
Идет железная волна.
Зачем восторженно-слепая
Душа мне не была дана,

Чтобы в доверчивом незнании
Навстречу гибели спешить
И злое Парки бормотанье
Незрячим смехом заглушить?

Канун войны. Безпамятство. Предел.
 В последний раз пустынная дорога.
 Осенний теплый вечер догорел,
 Как наша жизнь у этого порога.

Кому теперь и через сколько лет
 Приморские, встревоженные сосны
 Здесь прошумят, как нам с тобой, в ответ,
 Глубокой ночью ~~вспомнят~~ и росной?

Какой пришлец откроет этот дом,
 Где много мы терзались и любили?
 И эти розы под большим окном
 Такими-ль будут, как когда-то были?

Пора. Пора. Но сил произнести
 Мучительное слово «расставанье»
 Нам никогда с тобою не найти
 В безслезности последнего касанья.

Трагедией овеянные дни.
Таинственный о судьбах мира шопот.
Не стягивай дорожные ремни,
Вдаль не иди, внимая жалкий ропот, —

На кровле жди, суров и недвижим
Над книгою, презренной мудрецами.
Внимай словам, забытым, но живым;
Пред сбывшимися чудесами

Смиренно голову склони.
О, строк нездешних совершенство!
Все, все пройдет! — Они одни
Пребудут, как залог блаженства,

Как обещание о том,
Что больше времени не будет,
Когда погибнет этот дом
И мертвым ангелы вострубят.

Спокойных летних облаков
Неторопливое течение,
И запах вянущих садов,
И трав густых изнеможенье.

Обрыв, залитый солнцем, спит.
А дальше — дремлют огороды.
Их горожанин возрастит,
Голодные встречая годы.

В воскресный день, по вечерам,
Стучит здесь заступ неумелый
И немозолистым рукам
Дано земли коснуться тела

И встретить бедный урожай
С надеждой, гордостью, волнением,
Когда начнется птичьих стай
На юг предвечное движенье.

Старичек с височками седыми,
 В старомодном чистом пиджаке,
 С умными глазами молодыми,
 С палочкой российской в руке

Маленькой, под пятнами загара,
 С каждым днем ты памятнее вновь.
 Образ твой, сквозь муки и удары,
 Пронесла нетронутым любовь.

Вот опять бреду с тобой в аллее,
 Где иное солнце светит нам.
 Гул столицы медленно слабеет.
 Вьются всюду розы по стенам.

За рекой, у башни обветшалой,
 Городок скучающий встает.
 Там закат сияньем небывалым
 Берега пологие зальет.

Там кустарник низкоросл и скуден,
 А в затонах — илистое дно.
 Пароход причалил многолюден
 К пристани. Становится темно

И маяк мигает красноватый...
 Как ты любишь этот дремный час,
 Этот сад пустеющий, объятый
 Сумерками теплыми сейчас.

Сумерки. Весна. Воспоминанья.
 Твой седой, склонившийся висок
 И судеб блаженное незнанье,
 Неоткрытый сердцу близкий срок.

Дождь идет над твоею могилой,
Тебе сыро и холодно там.
Я прийду к тебе нынче же, милый,
Как бывало тогда, по утрам.

Я седые виски поцелую
И закрытые смертью глаза.
Не скажу, что люблю и тоскую —
Пусть тебя не коснется гроза

Поздних слез и земных заклинаний.
Я хочу лишь с тобою побыть
У запретной, таинственной грани,
За которую мне не ступить.

Что кто-то молится за нас,
Никем не узнан и неведом,
Что светлый колокола глас
К трудам безвестным и победам

Над сердцем дерзостным зовет,
Что каждый подвиг неприметный
Цветком небесным проростет,
Тебе откроют в час рассветный.

И келье, спрятанной в горах,
Поклонишься. И павши долу,
Не вспомнишь горестно, в слезах,
О жизни вольной и веселой.

Весь мир — лишь Божий монастырь.
Благословенна жизни схиμα
И пальм прозрачные листы
Над стогами Иерусалима.

ДОМ КНИГИ
MAISON DU LIVRE ÉTRANGER
9, rue de l'Éperon — Paris 6^e